

Срезневский Измаил Иванович

**Задонщина великого князя
господина Дмитрия Ивановича и
брата его Владимира Андреевича**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
ИЗ7

ИЗ7 **Измаил Иванович С.**
Задонщина великого князя господина Дмитрия Ивановича и брата его Владимира Андреевича / Срезневский Измаил Иванович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 52 с.

ISBN 978-5-519-75148-3

ISBN 978-5-519-75148-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

какъ подражаніе напоминаетъ о подлинникѣ. Это было уже замѣчено г. Бѣляевымъ при изданіи Слова о Дмитріи Донскомъ по списку, находящемуся въ одномъ сборникѣ XVII вѣка библіотеки г. Ундольскаго (Временникъ, книга XIV). Даже и по отношенію къ слову о полку Игоревѣ это слово стоило бы вниманія и разбора. Къ сожалѣнію списокъ г. Ундольскаго представляетъ подлинникъ въ дико искаженномъ видѣ. Разборъ слова по одному этому списку былъ невозможенъ. Къ счастью, оно сохранилось не въ одномъ этомъ спискѣ. Найдется, можетъ быть, и нѣсколько списковъ его—со временемъ, когда лучше будутъ разобраны громады нашихъ старинныхъ сборниковъ. Пока есть на виду, кромѣ прежде найденнаго, еще одинъ: онъ найденъ о. Архимандритомъ Варлаамомъ въ сборникѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, XV вѣка, и тамъ слово названо «Задонщиной». Въ другомъ мѣстѣ сообщено будетъ подробное описаніе этого любопытнаго Кирилло-Бѣлозерскаго сборника, составленное съ полнымъ усердіемъ о. Архимандритомъ и обогащенное множествомъ извлеченій; а теперь пока представляю списокъ «Задонщины», — и, чтобъ сколько нибудь подвинуть дѣло впередъ, не просто списокъ, а опытъ чтенія. Почему и какъ, объ этомъ позволю себѣ нѣсколько словъ.

Очень многіе изъ памятниковъ нашей письменности уцѣлѣли въ такихъ спискахъ, что возстановить ихъ смыслъ и содержаніе можно только посредствомъ взаимнаго восполненія списковъ. Въ такомъ видѣ осталось и слово о Дмитріи Донскомъ, названное въ этомъ Кирилло-Бѣлозерскомъ спискѣ «Задонщиной». Искажено оно въ спискѣ Ундольскаго разнаго рода описками; искажено оно не менѣе и въ спискѣ Кирилло-Бѣлозерскомъ, и если не послѣ, то по крайней мѣрѣ до тѣхъ

портъ, пока не нашелся еще хоть одинъ списокъ, лучше этихъ (а найдется ли еще такой!), надобно, для разумѣнія смысла «Задонщины», читать ее дополняя одинъ списокъ другимъ. Здѣсь представляется опытъ такого чтенія: послѣ перваго опыта другимъ удастся лучше. Текстъ Кирилло-Бѣлозерскій взять какъ главный (онъ напечатанъ широкимъ шрифтомъ); къ нему изъ списка Ундольскаго добавлено все, что мнѣ казалось необходимо для восполненія и уясненія смысла; изъ него взять и конецъ, котораго въ списокѣ Кирилло-Бѣлозерскомъ нѣтъ (все это напечатано сжатымъ шрифтомъ). Кое какія мелочи изъ описокъ писца я позволилъ себѣ измѣнить противъ подлинника, отмѣтя все это въ особыхъ подстрочныхъ замѣткахъ подъ каждой статьею. А такъ какъ между двумя списками во многихъ мѣстахъ есть очень любопытныя отличія, то всѣ онѣ по списку Ундольскаго, съ нужными оговорками, указаны въ особомъ приложеніи (Прил. I). Для легкости этого сличенія все слово раздѣлено на XV статей.

Стороннія объясненія, касающіяся содержанія, изложенія и выраженій, могутъ быть сдѣланы вѣрно только въ слѣдствіе историко-литературнаго разбора слова и его сличенія съ другими памятниками этого рода. До изданія ихъ рѣшаюсь представить, въ видѣ тезиса для опроверженія, взглядъ на «Задонщину», какъ на народную собственность.

Нельзя сказать, чтобы и повѣсти и сказанія, даже лѣтописи оставались внѣ народной сферы. Тѣмъ менѣе можно отрицать народное значеніе такихъ словъ, какова «Задонщина».

Сличая два списка «Задонщины», вижу отличія, видоизмѣненія выраженій, перестановки мѣстъ, подстановки именъ и лицъ — такія, какихъ переписчикъ дѣлать не могъ — по

крайней мѣрѣ такъ часто и такъ произвольно, какъ можетъ дѣлать только тотъ, кто пишетъ не съ книгъ или съ тетради, а съ *памяти*. Вижу сверхъ того такое обиліе и такую случайность грамматическихъ неправильностей, какихъ нѣтъ въ спискахъ другихъ памятниковъ, какъ бы ни былъ безграмотенъ переписчикъ: и въ этомъ видится мнѣ, что слово писано не съ готоваго извода, а *по памяти*, если не въ эти сборники, гдѣ оно нашлось, то въ тѣ другіе, изъ которыхъ оно попало въ эти. Если же оно было записываемо въ книгу по памяти, то значить было достояніемъ памяти, переходило отъ лицъ къ лицамъ какъ преданіе, произносилось въ какихъ нибудь приличныхъ случаяхъ, или напѣвалось, подобно былинамъ, думамъ, стихамъ, притчамъ, было въ ряду съ ними... Если же справедливо это, то въ «Задонщинѣ» мы имѣемъ образецъ особаго рода народныхъ поэмъ историческаго содержанія.

«Задонщина» напоминаетъ Слово о полку Игоревѣ — не даромъ. Оба слова — одного рода. Защитить чистую книжность Слова о полку Игоря невозможно. Тѣмъ менѣе можно найти поводы думать, что для устнаго поэтическаго пересказа воспоминанія о Куликовской битвѣ нужно было искать образца въ такомъ словѣ, которое было достояніемъ однѣхъ книгъ а не памяти. Опровергнуть, что Слово о полку Игоревѣ не было достояніемъ однѣхъ книгъ — задача нелегкая. Защищать, что и Слово о полку Игоревѣ не произносилось, или не напѣвалось, какъ доселѣ напѣваются или голосятся притчи и стихи, думы и былины, сказки и баянки — задача трудная. Гораздо легче предполагать противное. Такъ и я позволяю себѣ предполагать: думаю что, и Слово о полку Игоревѣ принадлежитъ къ числу достояній памяти и устной передачи, къ числу такихъ же поэмъ, каково — слово о Задонщинѣ.

Оно записано было ранѣе, и потому не такъ испорчено грамматическими неправильностями и пропусками.

Кому покажется страннымъ, какъ могли произведенія такого обширнаго размѣра удерживаться въ памяти, тотъ пусть вспомнить о Русскихъ духовныхъ стихахъ, такихъ напр. каковы объ Алексіѣ Божіемъ человѣкѣ, о Георгіи, о Горѣ злосчастіи, или же о Сербскихъ пѣсняхъ про женитьбу Ивы Черноевича, про Иву Сеньянина, про царицу Милицу. Величиной они не уступаютъ Слову о полку Игоревѣ, и однако задерживаются въ памяти народной дословно. Сказки, даже и очень большія, повторяются однимъ и тѣмъ расказчикомъ также почти дословно.

Задонщина — подражаніе Слову о полку Игоревѣ; но исключительно ли ему одному? Приемы того и другаго слова въ изложеніи и слогѣ не были ли общою особенностью цѣлаго рода такихъ поэмъ? И памятники нашей древней и старинной письменности, и произведенія народной устной словесности отличаются однѣ отъ другихъ по родамъ своими особенными приемами изложенія и слога. Въ иныхъ представляется смѣшеніе приемовъ, — и оно невольно кидается въ глаза тѣмъ болѣе, чѣмъ ярче отличія приемовъ. Ярки не менѣе другихъ, если не болѣе, и отличія въ изложеніи и въ слогѣ Слова о полку Игоревѣ: ихъ замѣтишь, гдѣ бы онѣ ни попались; а замѣтя, невольно вспомнишь объ этомъ словѣ, потому что ничто другое не напоминаетъ о нихъ такъ рѣзко. Изъ этого однако не слѣдуетъ, что ему одному они и могли принадлежать. Самая яркость ихъ въ немъ, мнѣ кажется, доказываетъ, что онѣ появились не въ немъ первомъ, что въ немъ онѣ достигли полноты уже въ слѣдствіе развившагося пристрастія къ нимъ. Ихъ же замѣтили и въ произведеніяхъ

тоже древнихъ только въ отрывочномъ видѣ; ихъ же замѣтили и въ произведеніяхъ народной устной словесности, повторяемыхъ доселѣ, — замѣтили въ томъ, что уже никакъ нельзя было поставить въ рядъ подражаній Слову о полку Игоревѣ: это еще положительнѣе доказываетъ, что особенности, напоминающія это слово, были въ ходу и безъ его вліянія *). Въ Задонщинѣ кое-что кажется дословно взятымъ

*) Припомню для образца хоть нѣсколько мѣстъ изъ лѣтописей. Въ нихъ разсѣяно множество выраженій отрывочныхъ, напоминающихъ особенности Слова о полку Игоревѣ, такихъ какъ наприм. «кую похвальную память мою вижю, яко младая моя память желѣзомъ погыбаетъ, и тонкое мое тѣло увядаетъ». (Лавр. л. 129), Тронц. 224.) — или: «и бѣ видити слезы его лежащи на скранью его, яко жемчужная зерна» (Ипат. л. 95). — или: изыдоста слезыма очима и ослабеномъ лицемъ, и ляжуща уста своя, яко неимѣюща власти княженія своего (Ипат. л. 175), — или «уже бо солнце наше зайде ны и во обидѣ всѣмъ остахомъ (Ипат. л. 121 и 220). Кромѣ такихъ отрывочныхъ выраженій есть мѣста довольно цѣльныя; напр.:

«Начнемъ же сказати безчисленныя рати и великыя труды, и частыя войны, и многія крамолы, и частая возстанія, и многія мятежи (Ипат. л. 166. Срав. тамъ же: Скажемъ многій мятежъ, великія лѣсти, безчисленныя рати. 170).

«Бывши нощи бысть тьма, молонья и громъ и дождь. И бысть сѣча сильна. Яко просвѣтяше молонья, блещашеться оружье. И бѣ гроза велика, и сѣча страшна и сильна» (Лавр. 64).

«Аще ли внѣ града еси, на конѣ ѣздя съ дружиною своею. и уподобляшеся (ты) льву страшну, дружина жъ твоя ако медвѣди и волци. или яко подобилися орлу летающу подъ облакомъ, дружина жъ твоя аки ястребы и никтожь можетъ одолѣти тя» (Ник. II, 172).

«Давидъ иде въ Половци усрѣте и Бонякъ, и воротися Давидъ, и поидоста на Угры... Сташа ночлѣгу. И яко бысть полунощи, и вставъ Бонякъ отъѣха отъ вой, и почва выти волчѣскы. И волкъ отвыся ему, и начаша волци выти мнози. Бонякъ повѣда Давидови, яко побѣда ны есть на Угры за утра. И наутріе Бонякъ исполчи воѣ свой: и бысть Давыдовъ вой 100, а у самого 300... Угры же исполчихася на заступы, бѣ бо Угръ числомъ 100 тысящъ... и сбиша Угры аки въ мячь, яко се соколъ сбиваетъ галицѣ (Лавр. 115).

изъ Слова о полку Игоревѣ; но такое дословное сходство находимъ и между произведеніями другихъ родовъ (житіями святыхъ, духовными стихами, историческими повѣстями, сказками, былинами, думами, пѣснями), — и оно однако въ нихъ ничѣмъ не смущаетъ насъ; вмѣстѣ съ этимъ въ Задонщинѣ находимъ многое такое, что хоть и такъ же сложено, но по содержанію и по выраженіямъ отлично отъ Слова о полку Игоря. Откуда же взято это? Въ повѣстяхъ и сказаніяхъ о Мамаевомъ побоищѣ есть также мѣста, отличающіяся отъ всего

«Выйде Филя древле прегордый, надѣяся обѣяти землю, по-
требити море со многимы Угры. Рекшю ему: едиць камень много
горницьевъ избиваетъ, а другое слово ему рекшю прегордо:
острый мечю, борзый коню, многая Руси, Богу же того не терпящю,
во ино время убьенъ бысть Даниломъ Романовичемъ древле пре-
гордый Филя» (Ипат. л. 162).

«Преставися князь Феодоръ... и еще младъ, и кто не пожа-
луетъ его. Свадба пристроена, меды изварены, пѣвѣста приведена,
князи позвани, и бысть въ веселія мѣсто плачь и сѣтованіе». (Новг.
I. 49. Троиц. 220.).

«Приде Батый Кыеву въ силѣ тяжьць... И бѣ Батый у города,
и отроци его обсѣдаху градъ, и не бѣ слышати отъ гласа скрипа-
нія телѣгъ его, множества ревѣнія вельблудъ его, и ржанія отъ
гласа стадъ конь его. и бѣ исполнена земля Русская ратныхъ...
Постави же Батый пороки городу подлѣ вратъ Лядскихъ. ту бо
бѣаху пришли дебри. Порокомъ же беспрестани быющимъ день
и пошь, выбиша стѣны. И возійдоша горожаны на избыть стѣны.
И ту бѣаше вилити ломъ копѣйныи и щить скепанія. Стрѣлы
омрачиша свѣтъ побѣжденнымъ.. и взидоша Татары на стѣны...
(Ипат. 177—177).

«Слышавъ Костянтинъ Андрея грядуща нанъ, избѣже ночью.
Андрей же не удоси его, но удоси владыку, и слуги его разграби
гордые, и тузы ихъ бобровые роздра, и прилбиць ихъ волчье и
борсуковые роздраны быша. Словутьного пѣвца Митусу, древле за
гордость не восхотѣвша служити князю Данилу, раздраного акы
связаного приведоша. (Ипат. л. 180).

«Не дошедшимъ воемъ рѣкы Сяву, сосѣдшимъ же на поли во-
оружитъ. и бывшу знаменію надъ полкомъ сиче: пришедшимъ

ихъ окружающаго такими же точно приёмами, то приёмами изложенія и слога вмѣстѣ, то только приёмами изложенія, и между ними есть такія, какихъ нѣтъ ни въ Словѣ о полку Игоревѣ, ни въ Словѣ о Задонщинѣ (Прил. II). Эти мѣста — очевидныя вставки, и доказываютъ, съ одной стороны, что онѣ правились, съ другой, что былъ источникъ, изъ котораго ихъ можно было почерпнуть. Что же это за источникъ? И для этого, какъ для всего другаго подобнаго, источникъ одинъ и тотъ же: поэмы въ родѣ Слова о полку Игоря, ихъ духъ, ихъ мысль.

орломъ и многимъ ворономъ, яко оболоку велику, играющимъ же птицамъ, орломъ же клекъущимъ и плавающимъ крилома своима и воспрометающимся на воздухъ, яко же никогда же и николи же не бѣ. И се знаменіе не на добро бысть. (Ипат. л. 183).

«Воемъ всимъ съсѣдшимъ, и вооружьшимся Нѣмцемъ изостава, щитѣ же ихъ яко зоря бѣ, шоломы же ихъ яко солнцю восходящю, копіемъ же ихъ дръжащимъ въ рукахъ яко трѣсти мнози, стрѣлцемъ же обаполъ идущимъ и держащимъ въ рукахъ рожаницы своя, и наложившимъ на нѣ стрѣлы своя противу ратнымъ, Данилови же на конѣ сѣдящу и воѣ рядящу, и рѣша Прузи Ятваземъ: Можете ли древо поддержати сулицами и на сію рать дерзнути? Они же видѣвши и возвратишася во свояси». (Ипат. л. 186).

«Устремилъ бо ся бѣше (Романъ) на поганыхъ яко и левъ. Сердитъ же бысть яко и рысь, и губяше яко и коркодилъ, и прехожаше землю ихъ яко и орелъ. Храборъ бо бѣ яко и туръ. Ревноваше бо дѣду своему Мономаху, и гнавшу отрока во Обезы за Желѣзныя врата». Вспомнивъ о Мономахѣ то, о чемъ въ другихъ сказаніяхъ о немъ нѣтъ помину, лѣтописецъ вспоминаетъ, какъ явился потомъ въ поляхъ Половецкихъ тотъ Кончакъ, который долго оставался страшнымъ врагомъ всей Руси. Загнавъ Мономахъ отрока въ Обезы за Желѣзныя врата. «Сърчанови же оставшю у Дону, рыбю ожившю, тогда Володимерь Мономахъ плъ золотомъ шоломомъ Донъ, приѣмши землю ихъ всю. По смерти же Володимерѣ, оставшю у Сыръчана единому гудцю же Ореви, посла и во Обезы, река: «Володимерь умеръ есть; а воротися, брате, пойди въ землю свою. Моли же ему моя словеса, пой же ему пѣсни Половецкыя. Оже ти не восхочеть, дай ему поухати зелья, именемъ евшанъ». Не захотѣлъ братъ Сърчана «обратитися ни по-

Гдѣ же эти поэмы? Ихъ нѣтъ пока на лицо въ ихъ подлинномъ видѣ. Это однако не значитъ, что ихъ никогда и не было: нѣтъ уже многого, что прежде было. Ихъ нѣтъ; но есть то, что наводитъ на мысль о нихъ; есть частички ихъ такой же цѣнности, какъ частички пѣсенъ Баяна въ Словѣ о полку Игоревѣ^{*)}: пока довольно и этого. Эти частички, мнѣ кажется,

слушати. И дасть (гудецъ Орь) ему земье. Опому же обухавшю и восплакавшю, рече, да луче есть на своей землѣ костью лечи, нежли на чужѣ славну быти. И приде во свою землю. Отъ него родившюся Кошцаку, иже снесе Сулу, пѣшь ходя, котель нося на плечеву. (Ипат. л. 155).

Лѣтописцы наши едва ли понимали поэзію языка такъ, какъ понималъ народъ; всего менѣе, кажется, тѣ изъ нихъ, которые любили одѣвать выраженія въ парадную форму дательнаго самостоятельнаго. Многія прекрасныя мѣста ихъ разсказовъ утратили свою простую красоту подъ этой формой. Чтобы понять ихъ вполне надобно ее сбросить съ нихъ. Такъ и въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ мѣстъ стоитъ замѣнить дательный - самостоятельный изъяснительнымъ наклоніемъ, — и образъ разомъ просвѣтлѣетъ. Въ этомъ новомъ видѣ, въ немъ уже не трудно будетъ увидѣть ту же особенность изложенія, которая поражаетъ въ Словѣ о полку Игоря.

Есть подобныя мѣста и въ другихъ памятникахъ. Еще болѣе въ произведеніяхъ народной словесности, какъ было уже замѣчено многими, и прежде другихъ М. А. Максимовичемъ.

*) «Шѣти было пѣснь Игоревѣ того (Олга) внуку» — восклицаетъ пѣвецъ Игоревъ, и за тѣмъ припоминаетъ четыре парныхъ стиха изъ пѣсни:

«Не буря соколы занесе
 чрезъ поля широкая:
галичи стады бѣжать
 къ Дону великому.»

Непосредственно за тѣмъ опять восклицаніе: «Чили вспѣти было, вѣщей Бояве, Велесовъ внуче?» — и опять пѣсня особеннаго склада:

Комони ржутъ за Сулою,
звѣнѣть слава въ Киевѣ,
трубы трубятъ въ Новѣградѣ.
Стоять стязи въ Путивлѣ....»

скрываются и въ Словѣ о Задовщинѣ. Оно — подражаніе Слову о полку Игоря, но не ему одному исключительно, а вообще тому роду поэмъ, къ которому принадлежало и это слово; оно — одно изъ проявленій того же поэтического одушевленія, которымъ проникнутъ былъ и слагатель Слова о полку Игоревѣ.

Что эти поэмы были, что ихъ надобно искать, это доказывается самимъ Словомъ о полку Игоревѣ:

— «Страны ради, гради весели, *пѣше пѣснь* старымъ княземъ, а потомъ молодымъ. Пѣти слава Игорю Святъславичу, буйтуру Всеволодѣ, Владимиру Игоревичу, побарая за христьяны на поганяя плѣкы. Княземъ слава и дружинѣ. Аминь».

Что эти поэмы были, свидѣтельствуютъ о томъ и тѣ поэмы современныя Русскаго народа, былины Великоруссовъ и думы Малоруссовъ, которыя по складу (впрочемъ не по языку), отчасти и по содержанію относятся къ отдаленному прошедшему времени. Сами по себѣ они, конечно, не подлинные остатки древности, а только снимки съ нихъ, переиначенные постепенно преданіемъ, и кромѣ того подражанія имъ; но чтобы могли быть снимки и подражанія, должны были существовать и подлинники. Очень естественно, что бѣльшая часть подлинниковъ и первичныхъ снимковъ погибла, не сохранившись и на письмѣ, не только въ памяти; очень естественно, что и въ памяти народной различныя роды древнихъ пѣсно-

Въ концѣ Слова еще приведено два стиха Баяна:

«(О)хоти тяжко ти головы кромѣ плечю;

Зло ти тѣлу кромѣ головы.»

Очень можетъ быть, что и многое другое въ Словѣ взято изъ пѣсень Баяна, только безъ оговорки. Почему же только изъ Баяновыхъ пѣсень, а и не изъ другихъ подобныхъ?

пѣній смѣшались въ одно, а нѣкоторые утратились; но и въ томъ, что сохранилось случайно, можно еще отличить кое-что такое, что было и въ древности. Такъ былины и думы воспоминають о минувшихъ событіяхъ разсказомъ; пѣсни (историческаго содержанія) намеками припоминають событія и лица, а нѣкоторыя даже и пересказываютъ кое-какія подробности; иныя же пѣсни—только славятъ: эти славленья, занявшія теперь мѣсто между святочными пѣснями, конечно, принадлежать по происхожденію вѣкамъ отдаленнымъ.

Слава Богу вышнему на небѣ. Слава!
Государю нашему на всей земли. Слава!
Чтобы нашему государю нестарѣться. Слава!
Его цвѣтному платью неизнашиваться. Слава!
Его добрымъ конямъ неизъѣживаться. Слава!
Его вѣрнымъ слугамъ неизмѣниваться. Слава!
Его думнымъ боярамъ въ одно стоять. Слава!

Что эпическія поэмы были у нашихъ предковъ, это доказывается и тѣмъ, что онѣ были у соплеменниковъ нашихъ. Вспомнимъ здѣсь хоть о древнѣйшей изъ нихъ—о пѣснѣ про судъ Любуши, относящейся по событію къ VII вѣку, и сохранившейся въ спискѣ VIII—X вѣка.

Что нѣкоторыя изъ эпическихъ пѣснопѣній древности нашей назывались *словами*, это доказывается не только двумя доселѣ найденными нашими поэмами, и употребленіемъ слова *слово* въ значеніи поэтическомъ у насъ и у другихъ Славянъ, но и сравненіемъ съ обычаемъ другихъ народовъ. Такъ въ древнемъ Скандинавскомъ бытѣ находимъ *quîda* (= Швед. *qvæda*, Дат. *qvad*)—слово (*quedha*, говорить = Швед. *quœda*, Дат. *qvœde*, Готѣ. *qvithan*, Древ. Нѣм. *quedan* = *qhuedan*) съ значеніемъ особеннаго рода поэмы. Такихъ словъ, квидъ, есть нѣсколько въ древней Эддѣ: *Vegtamsquida*, Ну-